



*Юлия Абрамова*

# БЫЛИ НЕБЫЛИ

# Юлия Абрамова

## Были небыли

*Текст книги предоставлен правообладателем*  
*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=9246336](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9246336)*  
*«Были небыли»: Издательство «Э.РА»; Москва; 2015*  
*ISBN 978-5-00039-122-8*

### **Аннотация**

Мы привыкли наш мир видеть, трогать, обонять. Чувствовать вибрацию, притяжение, жар и холод. Шершавое, круглое, прозрачное – всему этому уже есть определения... Мы привыкли знать, что видим и чувствуем. Беря в руки предмет, мы тут же идентифицируем его, соотносим с огромнейшей базой данных в наших мозгах, где четко прописано – что и как должно выглядеть. Мы не замечаем того, чего не знаем. Пока не заинтересуемся этим, пока оно само не покажет себя.

...А как выглядел мир до того, как кто-то составил о нем самое первое впечатление?

# Содержание

Глава 1. Введение	6
Глава 2. Истоки	9
Глава 3. Моя любимая планета	30
Глава 4. Новое	41
Конец ознакомительного фрагмента.	47

# Юлия Абрамова

## «Были небыли»

Мы привыкли наш мир видеть, трогать, обонять. Чувствовать вибрацию, притяжение, жар и холод. Шершавое, круглое, прозрачное – всему этому уже есть определения...

Мы привыкли знать, что видим и чувствуем. Беря в руки предмет, мы тут же идентифицируем его, соотносим с огромнейшей базой данных в наших мозгах, где четко прописано – что и как должно выглядеть. Мы не замечаем того, чего не знаем. Пока не заинтересуемся этим, пока оно само не покажет себя.

Мы привыкли жить в тех условиях, что есть. Что  $\pi=3,14...$  Что  $G=9,8$ , что вселенная имеет структуру, укладывающуюся в последовательность Фибоначчи...

Все это начинает познаваться нами ещё в утробе. Мы ещё не родились, а вселенские законы уже довлеют над нами. Ещё будучи в организме мамы в виде клеток, мы все равно уже подчиняемся раз и навсегда заведенному порядку жизни. Клетки, ещё не имеющие ничего общего с живым организмом, уже делятся по законам митоза и мейоза. Ещё даже находясь в телах наших родителей, они уже несут в себе информацию о возможных нас. Мы ещё до того, как стали одной яйцеклеткой, подчиняемся законам вселенной. Потом мы начинаем слышать, чувствовать, ощущать, наконец,

видим – пока ещё плохо, но мозг уже включает свою базу данных, наполняет ее образами и ощущениями, эмоциями и смыслом...

Потом нам дают игрушки, показывают и называют предметы, объекты, картинки, и наш мозг раз и навсегда соотносит вид, тактильные ощущения, запах и мысли с конкретным показанным объектом. Для нас этот объект уже не может выглядеть по-другому. В таком случае, он становится другим объектом, которому будет дано другое название.

Мне повезло. Мне попадаются интересные, разные книги. Скажем, сегодня, сейчас. Я читаю (конечно, фэнтези) про то, как существо, меняя себя, меняет мир. Меняет в себе все – от банальных внешних характеристик, до куда более глубоких строений ДНК. И я заинтересовалась.

А как выглядел мир до того, как кто-то составил о нем самое первое впечатление?

В общем,

# Глава 1. Введение

*(самая короткая и неинтересная часть, инструкция)*

Как представить себе, на что похож мир, если его нельзя почувствовать ни одним человеческим чувством? Даже у слепо-глухонемых есть, чем его чувствовать – ощущение притяжения, где различаются верх-низ. Тактильные ощущения, где можно почувствовать жар-холод, гладкость-шероховатость, форму, консистенцию. Есть внутреннее ощущение – где находится твоя рука-нога по отношению к тебе, туда же можно отнести чувство вибрации, чувство времени... в нас гораздо больше чувств, чем пресловутые пять. Это я не говорю про всякую чертовщину, вроде интуиции, видение привидений и прочее в том же духе. Ах да, есть совершенно особые чувства – внутренние установки – их вообще нигде нельзя отнести. Про них вообще только писатели и говорят. Это я о чувстве добра-зла, правильности-неправильности, справедливости-несправедливости. Они мало того, что субъективны, так ещё и культивируемы легко при желании. Как-как... воспитанием. Это легко представить на примере гастрономических пристрастий. Вся наша планета полна различных, диаметрально противоположных точек зрения, – чего стоит есть человеку, а чего нет. При этом каждый уве-

рен, что его взгляд на этот вопрос – нормальный, а у соседа – с придурью. Мы друг друга-то не понимаем, что уж говорить о том, чтобы понимать, что нормально, а что – нет. Все наши моральные принципы – чисто субъективная вещь, впрочем, как и все остальное восприятие мира, о чем я в самом начале написала. Объективно мы можем воспринимать мир, только выйдя за рамки его законов, все остальное – субъективно и нами не всегда осознается. Вы же не осознаете, по каким параметрам регулируется гомеостаз (внутренне постоянство среды) вашего организма. Можете считать его показатели – тоже вещь субъективная – по придуманным когда-то кем-то правилам сбора и анализа этих данных, присвоения им единиц измерения, градации этих единиц, вычисления нормы и патологии. Можете понять, как оно друг на друга влияет, на что из внешних или внутренних факторов среды отзывается. Но вы не осознаете – почему оно так. Почему какое-либо воздействие неизменно приводит к определённым последствиям. Мы научились узнавать эти взаимосвязи и на основе имеющихся данных предугадывать следующие, не открытые пока в цепочке реакции. Но вот – почему такая взаимосвязь, почему одно так влияет на другое... вопрос. Разница между биологами, эмпирически и математически высчитывающими правила и физиками, математически и эмпирически делающими то же самое, заключается только в пропорциях составляющих. И то, они познают только то, что дано как константы и переменные познаваемого ими мира. Суть,

структура всех изменений лежит не там. Она не может быть высчитана, ее можно только осознать. И вот это я собираюсь сделать.

Я ничему не учу, не пытаюсь открыть глаза и не считаю себя истиной в последней инстанции. В конце концов, это только мои мысли, мой мир – придуман моей фантазией. Ваш может быть совершенно другим, меня это только порадует. Все нижеизложенное – мое личное путешествие, впрочем, как и у любого автора.

Так же, во избежание недоразумений – все определения, которые будут появляться в тексте – даны сразу словами, понятными для всех, когда я с ними столкнулась, я мыслила не словами, поэтому слов для них у меня не было. Были только ощущения, но как перенести на бумагу ощущения, не используя слова, их обозначающие – я не знаю. Туда же относятся определения, характерные для человека или привычного окружения – пойдите, найдите общеиспользуемую замену словам, обозначающим то, чего вы не знаете. И понятия в тексте иногда будут сразу даны в срезе человеческого восприятия – просто для моего удобства объяснения. Не использовать же мне те обозначения, которые понятны мне из-за личного опыта, но непонятны другим. То есть, если что-то будет казаться слишком человеческим, это только издержки пересказа на... язык общения.

## Глава 2. Истоки

Вот я. Женщина, девушка, человек. Вот мир, который меня окружает – я его слышу, вижу, нюхаю, трогаю и ощущаю. У меня есть руки, которыми я охватываю предметы и поверхности. Ноги, которыми я меряю расстояние, которые могут взбираться в гору или спрыгивать с кочки, отталкиваться от земли или барахтаться в воде. Есть глаза, которые видят свет, цвет, предметы, этим светом отраженные, различают горизонт и любуются окружающим пространством. Есть уши, которые слышат звуки. Есть внутренние органы, предназначенные для жизни именно в этом мире. Есть мозг, который анализирует всю поступающую в него информацию и переводит его в понятные мне картины. Что-то теряется из виду во время этой обработки – например, что-то привычное, как шум машин за окном. Или что-то непознанное, что я не знаю, как воспринимать. Или что-то, чего я видеть не хочу, даже, помню, были такие тесты, где просили найти все синие предметы, а потом требовали указать, сколько там же находилось красных. Или моя извечная рассеянность... она тоже заставляет меня пропускать сознательно очень многое из того, что я вижу. Когда-то я загнала свой мир в очень узкие рамки воспринимаемой реальности. Машины, толпы людей, компьютеры, загрязнение окружающей среды и истребление животных, жестокость человеческая и, как проблески

солнца, человеческая же доброта. Все это течет сквозь меня, не задевая. Но я сама выбрала, что я хочу видеть. Так вот, теперь я хочу снять все ограничения и посмотреть, что от этого изменится.

Я убираю зрение – и перед глазами темнота, самое наглядное проявление отказа от мира. Я убираю слух – и исчезают звуки. Теперь меня окружает тишина. Даже, казалось бы, навсквозь привычный шум в ушах, ток крови, слышимый с момента образования слуховых косточек и потому не воспринимаемый – тоже исчез. Но я все ещё чувствую власть мира, в котором я живу надо мной – я его трогаю, я по нему иду, я чувствую его температуру и влажность. Он все равно во мне и я – для него. А значит, мне от него не скрыться. Тогда я убираю мир. И вишу в пустоте, где нет верха и низа, где нет света и звуков, где нет ничего, чему я могла бы дать определение. Но есть ещё Я. Именно я – Юля, женщина, девушка, человек. Я по-прежнему знаю, что у меня есть руки и ноги, я чувствую их и могу ими шевелить. У меня есть внутренние органы, которые и сейчас пытаются продолжать свою работу, есть мозги, которые, в ужасе от происходящего, стараются найти хоть какую зацепку, чтобы ухватиться за неё и на её основе выстроить границы мира, привычные и понятные. Следовательно, я все ещё подчиняюсь законам покинутого мира, ведь это тело выросло по тем законам и оно же тянет меня обратно. Поэтому – прощай. Вслед за этой мыслью уходит и ощущение материальности собственного я. Теперь Я –

это только то, что себя таковым осознает. Я – это что-то, что было до появления тела, что-то, что было до появления меня на свет. Выходит, Я – душа? Теперь я готова заново воспринять мир? С чистого листа, не имея предрассудков развития и заложенной генетической информации. Да как бы не так! Во мне живет память – неотчуждаемое свойство души, ее опыт, то, что делает каждую душу уникальной. Я... помню...

Я помню ветер, помню горы,  
Я помню море и леса,  
Я помню свежесть на просторах,  
Как эхо ловит голоса.

Я помню город, помню окна,  
Я помню пыль пустых дорог,  
Как корабли уходят с порта,  
Я помню след людских сапог.

Рассветы помню, щебет птичий,  
Я помню ночь и волчий вой,  
Я помню правила приличий,  
Разгульных танцев помню зной.

Я помню время, зрю пространство.  
Я знаю все – и в этом суть.  
Забвение – мое лекарство.  
И путь познания – мой путь.

Пусть вся память человечья  
Мне будет кладезем идей.  
Я помню и я, значит, вечна  
Того ж хочу для всех людей.

Я помню все, что я видела, все, чем богат мир, в котором я жила, все, что мне довелось ощутить, пережить и принять, даже то, что я отвергла, забыла и отказалась верить, что это было – оно все равно где-то хранится. А это слишком много, чтобы быть оторванной от мира, чтобы учиться узнавать его заново. Во мне уже есть все установки. Даже лишённая тела, я помню – каким оно может быть, что оно может чувствовать и как оно может ориентироваться в своей среде обитания. Неужели нельзя выйти за пределы однажды созданного мира? Тогда мы обречены вечно следовать одним и тем же законам. И мы ничем не лучше нами же создаваемых роботов. Совершеннее, адаптивнее, самовоспроизводящиеся, с фантазией... и все равно – роботы. Я не хочу такого. Значит, нужно эту ситуацию... изменить. Но как? А очень просто, – как и все гениальное. Я забуду, что я все это знала. Я начну с начала. Когда-нибудь, когда масса накопленных знаний перевесит массу забытых, память вернется – и тогда я буду вооружена уже несколькими вариантами развития событий. И тогда не придется повторять мучительный путь отрицания всего, чтобы видеть основы. Итак... прощай, моя память...

...Вокруг меня – пустота. Не имеющая никаких характеристик. В этой пустоте только я – явное отличие от всего, что меня окружает. Все, что во мне есть – не пустота, но и я не обладаю каким-либо свойством, позволяющим выделить меня из нее. Только мой разум. Мои мысли, чувства, осознание себя. Источник меня. Моя Личность. Я – это все, чем я располагаю. Все, чем располагает окружающее меня пространство. А оно есть – оно появилось из моего представления о нем. Куда заходит моя мысль – туда протягивается и пространство. Такое же пустое и ничем не выраженное.

Накатывает странное ощущение, что когда-то давно такое уже было. Дежа вю... ничто здесь не трогало извечный покой. Пустота, тишина и темнота. И огромные, необозримые пространства, ничем не заполненные. Выходит, так выглядит мир, когда ничего о нем не знаешь, когда не подчиняешься его правилам и вышел за его пределы? Этого мира просто... нет. Есть я – и только я могу определить, что я хочу видеть, что будет моим миром. Но мне пришлось ото всего отказаться, чтобы понять это. Только вот... я не помню, что такое – мир. Что там должно было быть... что могло бы быть, чего существовать не могло по определению. Да и был ли он когда-нибудь, мой мир? Может, я его только вообразила? Я оглянулась: куда ни кинь взгляд – темнота, тишина и полнейшее отсутствие хоть чего-то, отличного от пустоты. Только я. И я... одна.

Одно-единственное мыслящее существо на всю дальность моей мысли и дальше, куда я мысль направляю, отыскав границы оной. В какую бы сторону я ни плыла в этом пространстве – не менялось ничего. Да и как понять, что что-то меняется, если нет точки отсчета? Нет рычага, с помощью которого можно было бы осознать что-то. Я даже не знаю, действительно ли я здесь – одна. Даже будь здесь миллиарды таких же, как я – я их не увижу. Мы можем пролетать рядом, почти касаясь друг друга и – не замечать ничего. Я не знаю, как выделить себя-то от того, что вокруг меня, что уж говорить о других? А я хочу быть рядом с кем-нибудь. Я не хочу быть одна. Я хочу общения, взаимодействия. Но – как осознать присутствие, если нет ничего? Здесь слишком много пустоты. Тогда... тогда нужно установить ориентир. Точку отсчета. Тот самый рычаг. То, относительно чего можно будет выделить хотя бы себя. Осознав себя отдельно от того, что вокруг меня, может быть, я увижу что-нибудь ещё? Кого-нибудь. И мне не будет так одиноко. Но каким должен быть ориентир? Я – мягкая, неосязаемая, легкая и бесплотная. Такая же, как окружающая меня пустота. Значит, точка отсчета должна быть кардинально отлична от меня. Такая, чтобы за нее можно было ухватиться в поисках опоры при познании окружающего мира. Меня словно подтолкнуло что-то: «... Действуй». Как подбодряющий толчок. Я не чувствовала вокруг никого и ничего, но... я словно проснулась – к действию.

Встряхнувшись, я замечаю, что что-то во мне изменилось. Словно ожила во мне частичка, до того себя не проявляющая. Ну что ж, попробуем... что бы такое сделать? Представим себя – нечто неосязаемое, невесомое, не имеющее явной формы или консистенции, размера или вообще хоть одного параметра, кроме разума. Я – разум. Больше ничего во мне нет. «Я мыслю, следовательно, я – существую», применяемое ко мне, несколько неоправданно. Я ещё не знаю – существую ли я. Нет точки отсчета. Нет чего-то, в чем я могла бы существовать. Почувствовать себя существующей. Вообще ничего нет. Только я. То есть, я существую только для себя самой. Весь мой мир – это я. Нет ничего, относительно чего я могла бы сказать, что оно – не я. Итак, представим себе меня... я погрузилась сознанием в себя, исследуя и узнавая, оценивая и думая, как и что поменять. И... поменяла. Я вывернула свою суть, я изменила окружающее пространство, заставив появиться... что-то. Я потрогала это рукой – оно имело плотность, моя рука уже не проходила сквозь это беспрепятственно. Нет, конечно, могла пройти – какие для меня пределы? – но для этого мне приходилось представлять это, а это было совсем новое для меня ощущение. Ещё одна новизна ощущений – размеры. Новосозданное имело конечность. Видимо, с непривычки я никак не могла уяснить для себя эти размеры. Относительно этого созданного я могла быть и большой настолько, что оно помещалось у меня на пальчике или вообще переставало быть видимым. И маленькой на-

столько, что созданное оказывалось тем единственным, что я видела. Полагаю, дело все-таки во мне, а не в созданном. Я изменчива, я – сама суть изменения, значит, создаваемое мной, – как отличное от меня, – обладает постоянством, тем более относительно меня.

Постоянное висело в пустоте, так и притягивая своей необычностью. Я приземлилась туда и решила его исследовать. Поверхность была твердая. Пожалуй, это все, что можно было про нее сказать. Я прошлась по ней, довольно быстро обозначив ее границы. Каждый раз я находила край, где поверхность обрывалась и снова начиналась пустота. В принципе, легко можно было познать ее размеры и исследовать. Можно сказать, что я уже его познала. У него есть явно выделяемые начало и конец, и обозначить их – дело совсем нехитрое. Это – мой мир? Нет, я не хочу, чтобы то, что создаю я, было конечным. Моей полной противоположностью. Я хочу создать что-то новое, что-то, что было бы на меня не похоже и все же – развивалось. Оно должно просто развиваться по другим законам, чем мое существование. Вот, скажем... если я помню пустоту нескончаемой, можно ли сделать нескончаемым постоянное? Что для этого нужно изменить? У постоянного, в отличие от меня, есть форма. Так попробуем отталкиваться от того, что имеем, попробуем придать форме очертания нескончаемости. Для начала сделаем ее круглой – теперь конец постоянного определен неявно, – он есть, но найти точку его начала невозможно. Но этого мало. У по-

верхности появились стороны – их было всего две, то есть познаваемое количество, конечное. Свернула поверхность, скрывая стороны – получился рулончик. Уже лучше, но рулончик обрёл то, от чего я благополучно избавилась при помощи круга – начало и конец. Где-то я действую неправильно. Снова развернула рулончик. Провела пальцем по кромке границы, убрать бы ее вообще... м-м-м, а это идея! Взяла всю кромку и соединила друг с другом по всей длине, сгладила границы – получился шар. Пойди, найди теперь у него начало и конец. Довольно приземлилась на сотворенную поверхность. Прошлась – ну нет у нее границ, сколь ни иди в любую сторону! Значит, можно постоянное сделать похожим на непостоянное. Значит, к созданному могут быть применены воздействия, оно не конечно.

Но это также значило, что у меня появилось новое, неизведанное ещё состояние, что-то, чего ещё не было. Похожее на меня, но отличное. Что ещё можно в нем менять, кроме формы? Возможно ли вообще – такое? Потрогала поверхность материального Объекта – однородная по всей своей протяженности. Если получилось изменить форму, возможно ли изменять состояние? Я углубилась в постоянное, создавая нити вероятностей и устанавливая тонкие ещё конечные взаимосвязи физических параметров – и поверхность изменилась. Теперь часть Объекта была жидкой, более приятной для прохождения, более похожей на пустоту, с которой все начиналось.

А что будет, если смешать эти два состояния – твердое, постоянное и жидкое постоянное? Получилось что-то мягкое – не то, и не другое, но являющееся следствием взаимодействия и изменения. Так, теперь и в основе появились новые цепочки связей физических параметров. То есть – можно менять цепочки взаимодействий как снаружи, извне материального, так и находясь внутри его. Это действительно новое, способное к развитию творение.

Хм, а мне понравилось! И ведь пропорции взаимодействия состояний можно менять, создавая узлы основных параметров и расширяя варианты нитей последствий. Теперь уже наслаждаюсь разными видами твердости. Вот интересно – все сейчас существующее являет собой массив поверхности. А можно ли сделать постоянное – разрозненным? И снова я погружаюсь в твердую, начальную поверхность и меняю ее, пытаюсь сохранить его структуру, но изменить поведение. Теперь уже это не единая масса – это многие-многие частички, не связанные между собой, но обладающие одинаковыми характеристиками. И измененная мной поверхность распадается на множество мелких кусочков, оседает, сыпается. И если я страгиваю часть такой поверхности, то общая масса при этом спокойна. Если же попробовать взаимодействие сред – то количество их снова возрастает. Твердое, жидкое, сыпучее, мягкое... разные среды, существующие рядом, но изолированно. Могут ли они быть вместе, оставаясь собой? Как оказалось – когда массив представлен не единой струк-

турой, то и такое возможно. Все возможно, стоит только направить туда мысль.

Интересно, а меня окружающее – меняюсь ли я сама? Нет, я все та же. Ничуть не изменилась, хотя пространство вокруг себя меняю с завидным постоянством. Хм-м-м, вот себя я – вижу, а то, что создала – только ощущаю. Можно ли увидеть то, что я создала? Что позволяет мне себя увидеть? Я свечусь, и это выделяет меня из пустоты. Занятно... а если перенести то, что присуще мне, на созданное?

Я делюсь своей сутью с сотворенным, изменяю его снова, добавляю новые качества – и из темноты, медленно обрисовывая свои очертания, плавно проявляется, все наращивая интенсивность свечения, постоянное. Но свечение, перенесенное вовне – слепило и не давало рассмотреть наделенный этим качеством объект. То есть, надо удалить источник освещения от рассматриваемого объекта. Раз созданное уже не является непознанным и я с легкостью копирую творение, воссоздавая то, что позволило однажды появиться материальному. Теперь их два. И одно созданное светится, а другое видно в его сиянии. Границы пустоты раздвинулись снова. И если первыми границами были ощущения, то теперь я – вижу. Темнота стала жиже, в ней появились источники света.

Два материальных объекта неподвижно висели в теперь уже не таком темном пространстве. И один высвечивал другой. Высвечивал неравномерно, проявляя только одну сторону, обращенную к нему. Я же хотела видеть все, что мог-

ла бы. И я аккуратно провернула Объект, чтобы рассмотреть его. Это немудреное действие заинтересовало меня. Пусть он так и дальше крутится, – движение – одна из сторон моей природы. Я не могу быть в покое, угасая при этом. Так пусть и созданное мной – движется. Утвердившись на поверхности, я стронулась, вынуждая стронуться вслед за моими побуждениями и материальное. Быстрее, быстрее... ещё быстрее.

Я слишком увлеклась! Движение материального, по мной же созданным взаимосвязям, обладало последствиями. Силой раскрутившегося Объекта меня отшвырнуло, и его вращение я наблюдала теперь издалека. М-да, если я хочу там находиться, мне придется его замедлить. Пока я наблюдала за всем со стороны, я увидела, что материальное все больше и больше развивает последствия движения. Теперь я воочию видела то, что до того было для меня лишь цепочкой последствий при воздействии на узел начального состояния. Среды, до того спокойно находившиеся в том состоянии, что были созданы – тоже менялись. Твердое растрескалось и впустило в себя жидкое; мягкое так вообще – банальным образом распласталось по любой могущей удержать его поверхности, а сыпучее разметало абсолютно бессистемно. Более того, среды все больше тяготели к тому, чтобы улететь с массива материального так же, как это ранее сделала я. Попытка замедлить вращение привела к ещё большему разлому в твердом, и я испугалась что-то трогать, чтобы не разломать такое с трудом сделанное материальное. Решила просто подождать,

пока оно само остановится. Когда Объект стал крутиться достаточно медленно, чтобы на нем удержалась я, я вернулась. Глазам моим предстало печальное зрелище – полная сумятица в средах и их взаимопроникновение вплоть до потери изначального состояния. Благо, оказалось, что законы движения материального не постоянны с момента возникновения, а меняются в зависимости от происходящего с материей. Теперь, когда движение не было интенсивным, материальное не выталкивало меня – оно меня притягивало. Среды тоже успокаивались и оседали, разделяясь и становясь такими, какими я их первый раз увидела. Правда, такой строгой границы меж ними уже не было – порядок исчез, уступив место красоте вольготно расположившихся друг в друге состояний. Сами среды, стронутые с покоя этим движением, тоже менялись – не полностью, но части их, взаимодействуя друг с другом, порождали новые формы и состояния. Движение – это развитие, вне зависимости, как оказалось, от приложения.

Я пролетала над всем этим богатством, любуясь сотворенным. Такое разное, оно притягивало взгляд, разительно отличаясь от пустоты, в которой я осознала себя. Сначала я исследовала твердое – я узнавала границы его сопротивления мне, осознавала его структуру и плотность, училась его осязать. Потом обратила свое внимание на жидкое. Оно лежало подо мной – спокойное и недвижимое, однако текучее и удерживаемое вместе только границами другой среды. Некое

изменение заставило обратить на себя внимание, и я притормозила. Вернулась назад, снова переместилась вперед, пытаясь поймать то, что меня привлекло. Взгляд скользил по поверхности, отыскивая раздражитель и, наконец, я нашла искомое. Свет, падающий на материальное, отличался от того же, проходящего сквозь меня. Я придавала ему новые характеристики, и свет, преображенный мной, обретал... цвет. Слепящая белизна свечения сменялась нежным искрящимся голубым светом. И этот цвет придавал дополнительное очарование жидкому. Интересно, а такой же цвет будет у твердого, сыпучего, мягкого, наконец? Крутанулась, отыскивая ближайший островок другой среды – и изумилась. Повернутая другой стороной, я преобразовывала свет в цвет иначе. Различные цвета плыли по поверхности и перетекали друг в друга, отбрасываемые мной. Что во мне меняет свет? Вернее, можно ли так же изменить материальное, чтобы оно менялось не только под моим воздействием? И снова мне пришлось погрузиться в основу и менять, менять ее суть, пытаясь заставить чуждое мне пространство быть похожим на меня. И оно послушно менялось и плавилось под моими руками, связи, заставляющие материальное держаться вместе, находили новые пути и прокладывали новые дороги к тому желанию, что я хотела воплотить. Я хотела видеть ту же голубизну, незамутненную плотностью материального, и жидкое подчинялось моему желанию, становясь легче и прозрачнее. Я хотела видеть твердое как можно более осязаемым, и оно

подчинялось, становясь плотнее и тяжелее. Я хотела видеть разнообразие – и материальное уступало моим просьбам, – взаимодействуя и меняясь от этого. Простая нить, связывающая материальное воедино – множилась и расширялась, становясь сетью и обрастая слоями. Возникали точки соприкосновения от взаимодействий, прокладывались новые нити от движения, определялись новые узлы стабильности и ключевые точки взаимосвязей.

Вынырнув из процесса творения, я снова увидела два Объекта – один, прекрасный в своем многообразии и крутящийся, показывающий все стороны своего очарования. И другой – освещающий плоды моих трудов. Они прекрасны. Я хочу, чтобы такой красоты было больше! Я слишком устала быть в пустоте, теперь я могу это изменить. И, уже зная, как создавать копию однажды произведенного, я полностью отдалась творческому процессу воссоздания материального. Очнулась только, когда почувствовала, что мне что-то мешает. Открыв глаза, мне оставалось только тихо выдохнуть:

– Ой!

Все видимое пространство заполнили материальные объекты. Расходясь от меня, как источника копирования, они были везде, куда только я могла посмотреть, находясь в совершенно зажатом ими состоянии.

Собранные в одном месте, они сталкивались – разом, попарно и кучей, по отдельности врезаясь во все и отлетая, крошась и раскалываясь на огромные куски. Слова «ой»

как-то маловато для произошедшего. Огорченно смотрю на учиненное побоище. Передо мной плавает океан осколков – больших и маленьких, сохранивших часть первоначальной формы и полностью утративших ее, некоторые до сих пор кружатся и сталкиваются, другие медленно разлетаются по-дальше, третьи, не потеряв своего вращательного момента, уже образуют новые сорища. Все, из чего состояло материальное, разлетелось по пространству.

Жидкость так и висит капельками, иногда собираясь в группы и снова разбрызгиваясь, если оказывается в поле действия собирающихся в кучи обломков. Сыпучее не так заметно, мягкое примыкает в твердому и растворяется в нем. Материальное снова удивило меня. Организация его совсем не такая, как та, что царит внутри меня. Я все время забываю, что это состояние – иное, чем я. Ведь я создала новое, отличное от себя и, если у меня бы при подобном процессе творимое организовалось само, то здесь материальному требовался импульс. Воля, которая заставила бы сотворенное двигаться.

Вся красота созданного материального стерлась, растворившись в осколках учиненного мною побоища. Хорошо, что все это – лишь внешние проявления, суть, взаимосвязи материального по-прежнему целы, и теперь мне предстоит только лишь вновь придать форму материальному. Задумчиво ухватила кружащиеся неподалеку кусочки и совместила их, придав снова форму закольцованной бесконечности.

Другая, большая скученность под моим взглядом тоже стала единой. И третья, и четвертая. Как выяснилось на пятой, взятой под контроль группе осколков – терпением я не отличалась. Мне было уже скучно делать одно и то же. Значит, нужно всего лишь организовать процесс так, чтобы это не требовало моего участия. Задумалась, машинально комкая в руках материальное, слепляя его и отщипывая кусочки. Снова слепляя и снова отщипывая. Чем я могу воздействовать? Есть у меня одна задумка... то самое вращение, случайно мной использованное – оно и будет определяющим фактором восстановления форм материального. Более того, такой выход устраивал меня полностью, потому что предполагал разнообразие. До побоища, мной учиненного, все материальное было идентичным, потому что создавалось путем копирования. Теперь же, предоставленные сами себе, они организуются абсолютно случайным образом – и вряд ли будут одинаковыми. А, значит, пустота наполнится разнообразием.

И я запускаю процесс вращения среди всех обломков моей жажды деятельности. Начинают вращение они крайне неохотно, раскачиваясь и убыстряясь, снова сталкиваясь и разлетаясь. Крупные обломки притягивают к себе соседей успешнее, но притягивают всех подряд, а потому бывает не только поглощение, но и столкновения двух-трех и больше таких же крупных кусков. Такие столкновения тоже вызывают маленькие катастрофы – они ещё успешнее разбрасывают

созданные среды по окрестностям, отбрасывая их, подчас, дальше, чем они находились первоначально. Может, как-то структурировать их отношение друг к другу? Ведь они висят, как появились.

Более того, разломанные части светящихся объектов тоже подчинялись заданной программе и зачастую поглощались своими несветящимися собратьями. И получались совершенно дикие сочетания. Больше не было четкой градации, кто кого освещает. Мне же хотелось снова воссоздать ту красоту, что была до великого побоища. Пусть не везде, но хотя бы где-нибудь. Например, для той группы материального, что была сформирована моим непостоянным терпением. Я отобрала те частички, что светились – их вокруг меня осталось не очень много, – большая часть уже устроила свою судьбу, устремившись к ранее организованным скоплениям. И снова сделала привычную уже систему, когда один светящийся объект вырывает из тьмы другой. Правда, теперь вокруг меня был не один объект, а пять, но я решила, пусть так и остается. Теперь, после побоища, они все были разномастными и по размеру, и по составу. Моя вина – увлекшись восстановлением, я упустила из виду общий вид. Хотя, так мне даже больше нравится – я люблю разнообразие. И устала от пустоты.

Теперь, правда, мне бояться было нечего – вокруг меня все заполнено материальным. Я же хочу, чтобы материальное было не только вокруг меня, – пусть материальное бу-

дет везде, куда может дотянуться моя мысль. И дальше, если вдруг я наткнусь на границы. Но сделать это можно было только волевым усилием. Не самолично же мне разносить все в каждый уголок? Значит, нужно дать толчок к движению. Один раз я такое уже делала – и вот теперь, благодаря движению, среды сами собирают себя в единое.

В который раз я погружаюсь в себя, ища выход. И – мягко толкаю пространство. Получив сигнал, место побоища начинает расчищаться. Со мной остались только те шесть объектов, что невольно оказались слишком близко к центру воздействия и попали в «мертвую» зону. Один светящийся и пять, набранных во время моей попытки все сделать самой. «Пусть так и будут», – усмехнулась я и – отпустила их. И осмотрела результаты трудов своих. Сейчас все движущиеся объекты имели один начальный импульс и разлетались по одной траектории. Своими руками я лишила материальное возможности взаимодействия. Возможности изменения. И мне же нужно было исправить это. И снова движение – ответ на мой вопрос. Движение, как и взаимодействие – это развитие.

Должен быть не один вектор движения. Нужно разнообразие для возможности изменений. Цепочки движущихся объектов плавно бороздили пространство, расходясь от места первоначального толчка. Их движение ничем не прерывалось. Снова нужен был толчок – импульс, но не один, а несколько, разных по характеру, силе, направлению движе-

ния и предполагаемой траектории. Тут уж не обойдешься прямым воздействием на материальное. Нужно снова погружаться в основу, вносить новые взаимосвязи во все более сложную сетку их взаимоотношений. И я погрузилась туда, касаясь уже успевших сформироваться узлов, формируя новые и протягивая связи взаимодействия между не связанными ранее слоями. Движение – это не только импульс от начальной точки. Теперь это был сложный процесс, увязанный со многими параметрами созданной материальности. Как только сообщить объектам новые правила? Без воздействия на них они будут подчиняться однажды заданному курсу. И я встряхнулась, внося сумятицу в связанное сейчас со мной материальное. Встряхнулась вся, сообщая новые импульсы каждой точке пространства. Вступив в противоречие с первоначальным импульсом, всякое движение прекратилось. Материальные объекты дрожали на месте, не в силах определиться с главенствующим импульсом, задававшим движение. А потом вступили в силу взаимодействия те самые связи, которые я так долго формировала. Вступили в силу и вращение, и масса, и импульсы от столкновений, и сила между взаимодействующими объектами, даже толчки, до сих пор сообщающие вектор движения – и они оказались втянуты в цепь взаимодействия. И пошла цепная реакция. Стройные ряды объектов стали распадаться. Снова я наблюдала побоище, но теперь уже мне не нужно было его разгребать – оно распалось само.

Теперь объекты имели не только первоначальный импульс, теперь они могли двигаться и по спирали, и по кругу, и волнообразно. Они двигаются, а, значит, будут меняться. Будут сталкиваться – и приобретать новые свойства. Будут что-то забирать, что-то отдавать. Будут образовывать конгломераты и распадаться, меняя направление изначального движения. Их изменение будет нескончаемым. Калейдоскоп всех возможных вариантов их встреч и расставаний будет для меня услугой глаз. Никогда больше пустота не будет такой всеобъемлющей. Уже ставшая родной система из шести объектов тоже претерпела изменения. Массы их составляющих оказывали воздействие друг на друга, и они подстраивались под движение друг друга, а то вращение, что было у них раньше, задавало их траекторию движения, просто обозначив ее. Сыграло свою роль и то, что они были выпущены позже – они не были растерзаны взаимодействиями с другими группами объектов.

## Глава 3. Моя любимая планета

Успела привыкнуть к группе из шести объектов. Видимо, сказалоcь то, что они были вылеплены мной самолично. Все-таки работа своими руками накладывает отпечаток на отношение к результату. Отвлекшись от мыслей, почувствовала, что до сих пор держу что-то в руках. Тот кусочек материального, что бездумно перекачивала в руках, до сих пор был со мной. Недоуменно покачала головой, и щелчком пальцев направила к группе объектов. Пусть куда-нибудь приткнется. Проследила за его движением. Первый с краю объект комочек проскочил с лету – слишком сильным был начальный импульс, ко второму пройденному материальному объекту скорость уже растерялась, и комочек застыл, раздираемый силами взаимодействия двух соседних объектов. Он дрожал, не в силах определиться с направлением движения. Я бы не вмешивалась, но своим положением он вносил нестабильность в уже отлаженную систему. «Ты либо туда, либо сюда», – мягко сказала я ему. Он не отреагировал, своей воли не имея, и я чуть качнула его, вынуждая определиться. Мой толчок сдвинул его, и он пролетел второй с края объект, плотно прижавшись к третьему, находящемуся в самой середине между краем системы и центром ее. Покачался немного и начал описывать круги вокруг объекта, тоже определившись с траекторией движения. Ну, что ж, раз он выбрал этот

объект, направлюсь туда и я.

В задумчивости опустилась на поверхность материального, подняла голову – там, над головой раскручивалась феерия изменений. Что-то куда-то летело, что-то с чем-то сталкивалось и изменялось, сцеплялось и расходилось. Образовывались группы, и разлетались поодиночке стронутые взаимодействием объекты. Все было в движении, уже мало что напоминало ту пустоту, в которой я осознала себя. Я ведь сама все это сделала, я изменила себя, чтобы появилось новое, и это новое – оно другое. Взяла в руки материальное, выраженное твердой средой, чтобы ощутить – оно не похоже на меня. Оно – действительно другое. Я смотрела на комок в своих руках и пыталась понять – что же я сотворила. Так я сидела долго, пока не ощутила, что материальное в моих руках изменилось. Оно стало другим, и теперь чем-то отличалось от своих собратьев, раскиданных вокруг меня. Оно было... теплым. Это я – причина изменения, я дала ему тепло. Странное чувство дежа вю: «Ты – причина всего и ответ на все» – словно вспышкой пронзило меня. Не спорю, логично, все изменения в материальном, да и само материальное – последствие моих действий... вопрос в другом: где и когда, откуда я могла слышать подобное?

А это приятное ощущение – тепло. Я хочу видеть, чувствовать его не только в своих руках, я хочу находиться в нем. Пусть весь объект, на котором я нахожусь, станет теплым, пусть он будет горячим, чтобы не я его согревала, а он

– меня. Объект послушно нагрелся, а тепло стремительно распространялось дальше, разогревая до того однородную по температуре поверхность. Интересно, сколько ещё раз во время своей деятельности я скажу «ой!»? Тепло внесло изменения в устоявшийся баланс. Твердое стало жидким, сыпучее, почему-то, твердым. Мягкое же повело себя нетипично: оно разнообразило свои состояния – что-то отвердело, что-то стало жидким. Жидкое, взаимодействуя с теплом, изменилось, и появилась новая среда – газ. Новое состояние материи вступило во взаимодействие с уже имеющимися, находя свой баланс равновесия и изменяя окружающее, раздвигая границы его характеристик. Очень активно взаимодействовало, перекраивая уже устоявшиеся к тому моменту среды, выдавая новые их формы и состояния. Разнообразие – это приятно, так что я снова погружаюсь в себя, стремясь встроить газ в систему взаимосвязей всего материального. Случайное последствие моих действий – я не хочу, чтобы оно было только на одном материальном объекте. Более того, я добавлю ему связи взаимодействия, чтобы разнообразие его стало обширнее. Структура, которую я видела перед собой, уже ничем не напоминала первоначальную, простую и односложную. Развиваясь от созданных мной взаимосвязей, она организовывалась сама, обрастая возможными нитями воздействия, узлами связок изменений и обязательных условий, расслаиваясь на уровни сложности воздействия и обширности последствий. Сам принцип организации основы

материального напоминал... меня. Да, я изменяла себя, чтобы создать материальное, но я же создавала отдельное, новое, развивающееся по своим законам... хотя оно и развивается само, просто законы развития, не проявления, похожи. Как занятно ведет себя созданное мной...

Тепло теперь окружало меня. Куда бы я ни улетела – тепло было свойством окружающего пространства. Я словно заглянула в себя – я была теплой, и окружающее окутывало теплом. Изменилось не только то материальное тело, где я приземлилась, – изменения теперь распространились на все созданное пространство. Но и прежнее состояние важно для моей памяти. Я не хочу полностью отказываться от чего-либо. Значит, нужно, чтобы тепло где-то было, а где-то все оставалось первозданным. Нужно разграничить власть тепла на окружающее. То есть тепло должно не просто – быть, оно должно происходить откуда-то. И источник должен быть заметен, чтобы знать, куда направляться, если захочешь испытать это невероятное чувство. Но заметные объекты у меня уже есть – те, что светятся. Пусть же они и будут источать тепло. И я добавляю эту нить в структуру материального, устанавливая ещё одну взаимосвязь, вернее, наблюдая за изменяющейся структурой – сетью взаимосвязей. Вернулась к тому объекту, что впервые был разогрет. Он остывал, но остывал так неохотно, что мне захотелось ему помочь. И я пожелала, чтобы он остыл. Материальное имеет отличия от меня, и я в который раз убедилась в этом. Объект по-преж-

нему был горячим. Решив посмотреть, что будет, если я настою – я грубо вмешалась в физический процесс, повторно озвучив свою просьбу.

Мне оставалось только вздохнуть. Конечно, материальное послушалось и выполнило мое желание. Попыталось. Резкое изменение состояния среды, оказывается, разрушительно, и теперь я имела возможность наблюдать последствия. Я смотрела на многие-многие осколки некогда единой материи, разлетевшиеся и продолжающие удаляться. Резко остывающую материю просто разорвало. Объект-спутник, выбравший своей траекторией область вокруг этой материи, уже не был таким красивым, как прежде, его сильно покосило разлетающимися осколками. Покосило и откинуло с привычного пути. Теперь бывший комочек в моих руках стоял на пути того материального, мимо чего раньше пронесся, подтолкнутый мной.

Второй раз я учиняю форменное побоище. Вздохнула своей неловкости и принялась устранять последствия. Аккуратно собрала разлетевшиеся осколки и дождалась, когда они оттают – вмешиваться снова было как-то страшновато. Снова используя энергию движения, вернула прежний облик материальному. Вспомнила про то, что он был не один, и оглянулась в поисках его спутника. А к нему как раз приближался другой объект, прямо по курсу. Не уследи я за ним – и быть бы ещё одному побоищу. Испытав острое чувство неловкости за свою неуклюжесть, быстренько убрала бив-

ший спутник с траектории полета материального. Подумала – и отогнала к вновь созданному материальному, чтобы вернуть тот вид, который сама же и разрушила. Теперь об учиненном мной напоминал только облик спутника, изувеченный прошедшим событием.

Заинтересованная произошедшими со страдальцем переменами, я вернулась к вновь собранному материальному объекту. Все среды были хаотично смешаны и изменены после моих воздействий, некоторые перестали быть различимы вообще. Вернула состояние многообразия сред. Когда знаешь, как это делается, и есть исходники, да и структура материального уже настроена и упорядочена – это совсем не то же самое, что впервые. Теперь я вновь видела перед собой ту же поверхность, что и до разогрева. Но я-то к теплу уже привыкла, а оно – не здесь, оно у светящихся объектов. Решила, что и это материальное разогрею. Только – как? Сделать и этот объект светящимся? Самое простое решение. Но мне стало интересно: а можно ли иначе? Вот, например... а если разогреть сердцевинку объекта, чтобы не было необходимости в свечении? Результат меня разочаровал – тепло не доходило до поверхности, пока не была разогрета настолько большая часть внутренности материального, что вступали в силу мной же созданные взаимосвязи – и поверхность начинала светиться. А если задуматься – зачем мне разогревать всю внутреннюю массу? Ведь мне нужно только тепло. А значит, можно попробовать разогреть не всю массу, а только

часть ее, но так, чтобы разогретая часть могла провести свое тепло к поверхности. Попробовала воплотить свою теорию на практике. И ведь перехитрила свои же правила взаимосвязей! Мне стало тепло, а объект по-прежнему не светился. Тонкая прослойка разогретого вещества на некотором удалении от поверхности вполне согревала. Даже то, что твердая поверхность под действием тепла стала жидкой, ничуть не мешало – тот слой, что стал теперь теплым, вполне свободно перемещался в своих пределах. Нужно будет посмотреть, как потом эта моя идея скажется на уже установленных взаимосвязях.

С тех пор, как материальное появилось среди пустоты – я впервые остановилась и огляделась, осматривая – что получилось.

Среды, имеющие разную плотность, структуру, проницаемость. Теперь даже температуру. Они менялись и преобразовывались. Перетекали одна в другую и смешивались. На твердом я могла сидеть и стоять. Мягкое уплывало из моих рук и прогибалось подо мной. Жидкое обтекало меня и обретало форму, вернее, ее подобие, только будучи стесненное другой средой. Газообразное же даже не всегда можно было ощутить.

Я пробежалась по твердому – все так же нет границ пространству, как его ни ищи. Закольцованная бесконечность. Я поворочалась в мягком – оно охотно принимало все мои формы и так же легко с ними расставалось. Я пыталась по-

чувствовать газообразное – оно было неощутимо, лишь иногда взаимодействие газа и изменение его придавало среде цвет, и я воочию видела его. И, напоследок, я окунулась в жидкое...

Я оказалась среди волн. Громадные, крутые, достигающие низко висящих серых туч. Взмывающие высоко-высоко и столь же сокрушительно падающие вниз. Казалось, они могут смести любую преграду, имевшую неосторожность попасться на их пути. Тучи – темные, низкие, на всю протяженность взгляда, тоже громадные – они клубились под самыми волнами. И на гребне волны я, казалось, могла коснуться их; падая же в разверзшуюся пропасть, я почти теряла их из виду. И снова – взмывала. Я смотрела и не могла налюбоваться, погрузившись в это мерное качание. Я снова была в приятной мне стихии. Я наблюдала за смещением и изменением, проникалась ими. И они проникали в меня. Я наблюдала не только материальное, я смотрела подложку его, все цепочки взаимодействий и их варианты, проявления их и условия реализации. Темноту сгустившихся туч разрезала молния – вот ещё одно последствие взаимодействия всех условий, что я создала. Но вот появился ее собрат. И ещё один. И ещё... молнии хлестали вокруг меня, тучи висели прямо надо мной, словно угрожая обрушиться, волны взмывали и опадали. И я словно очнулась. На краткий миг меня охватила паника. Что-то во мне – моя уснувшая память – всколыхнулась, выдав ещё одно чувство дежа вю, заставив на мгно-

вение испугаться, ощутить себя уязвимой. Когда-то я что-то такое видела... но когда? И где? Я не помню... полыхнуло – и прошло. Я снова принадлежала сама себе, и мне нипочем были даже самые высокие волны.

Налюбовавшись, я оставила буйство стихии и вернулась к спокойствию твердой поверхности. Здесь была тишина. Здесь было спокойствие. И я присела отдохнуть. Провела рукой по твердой материи, ощутила, как где-то там, глубоко перемещаются массы разогретой субстанции. А ведь когда-то тут все было однородным. Это я внесла сюда изменения. Я...

А ведь, если задуматься, то ничего нового я не создала. Я просто вывернула свою суть, дав ей возможность иметь другие проявления. Я создала продолжение... себя. И я слишком увлеклась созданием материального и забыла, для чего я его создавала. Теперь у меня есть точка отсчета, но по-прежнему вокруг меня нет никого. Никто не пришел в созданное пространство из пустоты, что была до него. И я никого не увидела, получив желаемый ориентир и рычаг для осознания. Я по-прежнему одинока. А я не хочу быть одна.

Интересно, где заканчиваюсь я и начинается созданное мной? Теперь я осознаю себя, но не могу отделить от созданного. Я не вижу границы. Более того, я не знаю, самостоятельно ли то, что я создала. А ведь я хотела создать то, что сможет быть само, без моего участия. И – снова быть свободной, искать таких же, как и я. А, может быть, смотреть за тем, как развивается созданное мной.

Я разделюсь и посмотрю на себя со стороны многими глазами. Я – цельное, из многих состоящее частей. Частей, что образовывались опытом, собой дополняя суть, основу моего Я, надстраивая его и развивая. И части эти я рассредоточу, чтобы увидеть целое и осознать границу между собой и созданным мною. Решено. Я рассредоточиваю самое себя – все уровни моего я, что появились во мне с момента моего осознания и накапливались с развитием моей Личности – все они получают свободу. И части эти, получив свободу, осознают себя и отделяются, имея четкую задачу – найти границу между мной и бытием, осознать, что из того, что я имею – мое, а что могу я отпустить. Я чувствовала отделение каждой части, и до определённого момента картинка начала вырисовываться – вот я, а вот... ещё одна часть отделилась, и я поняла, что теряю себя – растворяюсь в этих частях, забываю, что я – единое целое. Я рванулась вернуть себя, но части уже имели свою волю, имели заданием начальный приказ – рассмотреть целое, – и они стремились выполнить его даже тогда, когда целого уже почти не осталось. Меня осталось слишком мало, чтобы показать им, что они ошибаются, что целое уже не рассмотришь – его уже нет, что я ошибалась, и расплатой станет утрата себя... я оглядела себя, ища хоть крупинку себя прежней – последняя, хранящая самое ценное, способная привести в баланс все разлетевшееся – она была в самом сердце почти ускользнувшей меня. Моя суть, самое ядро – то, с чего началась я: осознание себя как Лич-

ности. Без моего опыта, без моей памяти, но она пока была мной, а не отдельной частью. Она просыпалась, обнаруживая волю и черты Личности, которыми я обладала в момент своего появления. Наблюдая за ее пробуждением и чувствуя, как угасает Личность меня цельной, я поняла, что мечтаю вернуться— и моя суть есть начало и условие исполнения этой мечты. Так зовись же ты Мечтою — часть моя, надежда моя на возвращение. И знай — хотела я создать то, что сможет бытие свое само держать...

...И это было все, что я успела сказать. Разлетевшиеся части целого полностью осознали себя, как самостоятельные Личности. Меня просто не стало...

## Глава 4. Новое

...Я очумело помотала головой – в ушах ещё звенел чей-то крик. Отчаянный, полный боли и горя, зовущий... чей? Куда зовущий? Кого? Откуда? Вокруг никого не было. Что я только что делала? М-м-м, я не помню. Странное чувство, что что-то где-то изменилось. А я... кто я, где, почему? Я... это мой мир, я его создала. И я что-то ещё должна... что? М-м-м, этот мир, его структура создана мной и связана со мной. А я должна... я хотела, чтобы он был самостоятельным, чтобы он мог жить сам, сам развивался. Вот, оказывается, почему у меня так болит голова! – я пыталась решить сложную задачу. Итак, что будем делать? Вылетела за пределы созданного, посмотрела на окружающее. Вокруг была пустота, разбавленная редкими блестками разноплановой материи. Интересно, а то, что созданное мной тело крутится в группе с другими телами – это единственный вариант? Может, попробовать путешествовать в одиночку? Осторожно извлекаю свой любимый материальный объект, подумав, присоединяю к нему все тот же спутник и отправляю в свободный полет...

Я сижу на пригорке, а вокруг меня – пустыня. От края до края. Спекшаяся, сухая, растрескавшаяся поверхность. Настолько спекшаяся, что не принимает жидкость. И жидкость скапливается на поверхности в обширные, но неглубокие озера, глубиной настолько мелкой, что даже зайти

в них нельзя. Привычного светящегося Объекта, дарящего тепло, на небосклоне нет – оно осталось далеко-далеко позади. Вместе с ним перестал быть видимым и Объект-спутник, я только знаю, что он рядом, но не вижу его. Мы двумя темными объектами бороздим просторы мироздания. Только свет других материальных объектов освещает мою передвижную материальность. Нет, так я не согласная! Я тоже хочу светиться! И поверхность подо мною освещается мягким теплым светом. Тут же проявляются краски, даже тепло – и то становится более ощутимым. Только объект-спутник видится теперь непривычно – не светлый, а темный... но, в сущности, какая разница? Чувство дежа вю накрыло меня – уже когда-то я сидела так. Сидела и смотрела за изменениями среды в отрыве от привычного окружения. Ну, и какая разница – один объект, где я сейчас нахожусь, или группа объектов, где я впервые открыла глаза? По ощущениям – никакой, только гложет ностальгия по привычной картине. Вернусь-ка я лучше туда. Все же, если оно так было сделано, значит, зачем-то было нужно? А они мне уже как родные... как бы далеко ни ушла, дорогу к ним я найду в любом состоянии. Интересно все же, почему все устроено так, а не иначе? Само оно так получилось или это чья-то задумка? И есть ли кто-то, кто знает об этом?

Уже утвердившаяся на своем месте материя неспешно плыла в компании себе подобных в нескончаемых просторах созданного бытия, я же в задумчивости снова опустилась на

твердую поверхность. У кого бы спросить? Ведь не одна же я такая? Нас наверняка много. Но я никого не вижу.

– Кто-нибудь! Услышьте меня! – мой крик эхом умчался вдаль...

Я замерла, вслушиваясь в пространство – ведь не одна же я?

– А? Тут кто-то кричал? – раздалось рядом, и вслед за голосом появился его обладатель.

Оно, как и я, не имело четкой формы, перетекая из одной в другую, но общее между нами было. И я удивленно и радостно воскликнула:

– Так я здесь не одна!

– Нас здесь много, – подтвердил мой собеседник. – Мы находим друг друга и узнаем. Я – Любопытство. Именно я первая начала узнавать окружающее и обнаружила подобных нам.

– И много их?

– Сейчас позову, – откликнулось Любопытство, и меня стали окружать такие же, как я, существа. Разные – побольше и поменьше, кто-то светился, кто-то лишь мерцал, иные имели цвета, другие же только ощущались – между нами, тем не менее, было что-то явно проглядывающееся общее. Что? Этого я уловить не могла.

– Я – Гнев, – представилась ещё одна субстанция и выступила вперед: – Ты зачем нас позвала? Мы все слышали твой крик. Не скажу, что это мне понравилось.

Какой сердитый. Сердитый – и зовут Гнев А Любопытство пришло ко мне, ведомое... любопытством. Похоже, имена их отражают основное в них. И суть. А как же тогда зовут меня? Я закрыла глаза, вспоминая... и, словно из самого нутра, услышала крик: «... мечтою!» Меня зовут Мечта.

– Я? Я хотела общения. Я вижу теперь, что я не одна. А ещё я хочу создать... создать что-то, что будет быть, расти и развиваться. Что будет способно само держать свою структуру. Я хочу творения.

– И что же это будет? – насмешливо поинтересовался Гнев.

– Я не знаю, – огорченно вздохнула я.

– И зачем это нужно?

– Тоже не знаю, – повесила я голову.

– А мы тогда тут при чем? – снова начал раздражаться Гнев. Что с него возьмешь – это его суть, он не может быть другим.

– Я же сказала – я хотела убедиться, что я не одна. И я захотела увидеть хоть кого-нибудь.

– Ну, и увидела, – понимающе усмехнулся Гнев. – Меня тоже нашла она. Она везде первая успевает.

– Ну, так на то она и Любопытство, – улыbnулась я.

– Что ты имеешь в виду? – снова нахмурился Гнев. Все слетевшиеся на зов Любопытства так же заинтересованно вслушивались в наш разговор, потихоньку придвигаясь все ближе.

Нас тянуло друг к другу. Неужели они не замечают этого? Вот и сейчас мы пытаемся быть ближе, узнать, понять друг друга. Мы словно связаны невидимой нитью. Чем-то общим, что почему-то неизменно ускользает от внимания. Хотелось бы мне понять – почему.

– Ну, так она – Любопытство, – я мягко улыбалась. – Оно ею и движет, вот она и интересуется происходящим. Ее имя – это суть ее.

– Интересуется, это точно, – хохотнул Гнев. – Она всех нас нашла и перезнакомила. Интересно ей, что происходит везде. И к тебе она нас позвала, только чтобы посмотреть, что ты задумала.

– Я очень рада, что мы нашлись, – я признательно коснулась Гнева. – Я хочу с вами познакомиться.

Они тоже были не против общения, и их имена посыпались на меня:

– Гнев.

– Любопытство.

– Печаль.

– Восхищение.

– Озарение.

...

Я слушала и все больше понимала, чем мы связаны. Во мне тоже были их черты, но они не были моей сутью, чтобы стать моим именем. Подозреваю, что и они состояли не толь-

ко из своей доминирующей черты. Словно осколки большой картины, мы были детьми чего-то большего. Но чего?

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.